

НЕСТИХАЮЩАЯ СОВЕСТЬ ПИСАТЕЛЯ

С Василием Ивановичем Беловым довелось мне познакомиться на земле Тихого Дона, когда в 1967 году Михаил Александрович Шолохов встречался в Вешенской с группой молодых писателей. Скажу честно, бросился Белов в глаза не сразу — ведь все мы старались не пропустить слова и жесты великого писателя да окружали плотным кольцом первого космонавта Земли, неведомо по какому закону везения для нас оказавшегося здесь. Все было интересно, вдохновляюще и как-то по-особому радостно. Помню, как украинец Юра Мушкетик, сорвав веточку чебреца, вдохнул и тихо сказал: «А ведь я все здесь знаю, не был ни разу, а все родное...» И в этом светлом состоянии Василий выделялся каким-то постоянным напряжением, он как бы все время порождал вопросы к собеседнику, переспрашивал, сомневался, кипятился в споре и, казалось, был все время чем-то недоволен. И только позднее, ближе познакомившись с ним, я понял, что он и не мог быть удовлетворен, потому что мыслью своей он был на вологодских землях, где еще немало следовало приложить сил, ума и средств, чтобы в деревне жизнь была такой же нормальной, как здесь, на юге России. Наверное, и в этом тоже была его писательская натура, о которой он позднее писал: «По моим понятиям, писатель — это очень впечатлительный человек, не обладающий естественной для человека способностью забывать и вынужденный освобождаться от непосильного груза своим способом. Писателями становятся вовсе не от хорошей жизни. Признак настоящего

писателя в наше беспокойное время: нестихающая совесть. Способность прощать всех, кроме себя». В прошлом, да иногда и сейчас, читая некоторые книги, просматривая кинофильмы, не раз приходилось, по хорошему завидовать читателям и зрителям тех наших национальных республик и областей, в которых писатели и кинематографисты с искренней любовью и восхищением показывали свой народ, добрых, простых, трудолюбивых людей, их быт и чувства. Иной же наш «изобразитель народного быта» представлял вольно или невольно русских людей, как скопище пьяниц, воругов, врунов и подхалимов, способных поклоняться только рублю, бутылке водки, напропалую кутить, сибаритствовать и бездумно удовлетворять свою похоть... И все это выдавалось за глубокий реализм, который-де восторжествовал после десятилетий приукрашивания и розовости в нашей литературе, журналистике, кино. Нет, не реализм это, а в лучшем случае непонимание, неумение разобраться во всей сложности социальных, нравственных, психологических явлений времени, нежелание увидеть за непритязательностью быта, еще во многом нестройной жизнью истинное лицо ее хозяина, а часто и просто нелюбовь к нему — этому русскому человеку, который вынес основную тяжесть борьбы с фашизмом и который трудится, живет и любит на своей земле. Василия Белова при всем желании невозможно отнести к лику сусальных иконописцев. Жизнь в его рассказах и повестях встает во всей сложности и противоречивости.

Его герои движутся в жизни не по накатанной мостовой. Да, нередко и сама цель — смысл их движения, к которой двигаться приходится через все дантовские круги «трех волоков» (в его одноименном рассказе), вдруг внезапно рассыпается, исчезает в лихолетье времени. Может показаться сначала, что вообще далекая Каравайка, к которой рвался Майор, — фатаморгана. «...Каравайки больше не было на земле. Где-то за тремя волоками неслись поезда и свистели ракеты, а здесь была тишина, и майору казалось, что он слышит, как обрываются щетиной его напуганные скулы. Опять покрякал дергач, а луну пополам разрезало плоское слоистое облачко. Никто не услышал, как на гулкий широкий лист лопуха, теряя свинцовую свою тяжесть, бухнулись две холодные слезы».

Но не только сожалеет об уходящем автор, не только понятная печаль и горечь тяготевают им при виде заколоченной избы, потухшего очага, заброшенной деревеньки. Он находит силы в себе, и у своего лирического героя, чтобы жить. Ведь не ответишь же сразу на все вопросы, которые задает тебе жизнь. Ведь не решишь же все задачи, которые она ставит перед тобой. А не ответив на все и не решив все, — разобидеться на нее, безвольно опустить руки? Или, наоборот, громить все во имя отрицания прошлого и утверждения еще неосмысленного будущего?

«Ко всему прочему мы порой ограничиваем борьбу за новое всего лишь разрушением старого. Потому что, чтобы разрушить, зачастую требовалось меньше ума, чем создавать новое, не разрушив того, что уже было. Ах, как любят многие из нас разрушать, как наивно уверены в том, что войдут в историю!» — так мыслит лирический герой из рассказа «Вобришный утор». Этот едва ли не самый светлый и философский рассказ проникнут жизнеутверждающей верой. Куда как наивной кажется на первый взгляд мысль героя: «Нет, надо просто жить, раз родился, и нечего спрашивать, зачем родился, жить, жить, жить». Но она не есть отрицание творческого отношения к миру — она утверждение жизнелюбия и человеческой веры, пропущенной сквозь огонь испытаний. Далеко не каждому дано было бы сохранить подобную выдержку, человечность, готовность делать что-либо для людей, пройди они школу жизни Ивана Африкановича из «Привычного дела» или Олеси Смолина из «Плотничьих рассказов». Нервные окончания истории как бы заканчивались на них, рядовых «великой армии труда». Через них входили в организм страны животворные токи, они первые совершали действие, первые же ощущали боль и пламя эпохи.

Образ их жизни выглядит далеко не идеальным, их речь не точна и далеко не изящна, поступки вроде бы нередко нелепы, но ведь именно они, а не их суровые критики, живут в Нечерноземье, именно они пахут и сеют на небогатых тамошних землях, именно в их семьях рождаются внуки, и, сохраняя мастерство предков, они рубят новые избы. Конечно, сейчас уже много изменилось и в этих областях. Но ведь мы помним, что первые публикации Василия Белова кое-кем были встречены как анахронизм, попытка возродить патриархальщину, как неумение видеть перспективу. Белов, как и многие другие русские писатели, сумел своим творчеством преодолеть и недоумение некоторых критиков, и трудности собственного творческого роста.

Сейчас уже нет сомнения, что в нашей русской советской литературе утвердился большой самобытный, нравственно чистый писатель. Хотя, если быть откровенным, то изредка и сегодня звучат литературоведческие голоса, снисходительно упрекающие писателя в местничестве, преувеличенном увлечении говорами, приковывающих автора разнообразных повестей и рассказов к деревенской прозе. Ох, уж это желание рассказать всех по сусалам, отодвинуть в далекую областную норку, чтобы не высовывался пошехонский увален на вселенские просторы, чтобы не претендовал на роль «выразителя», а еще пуще на книжные томики. Вот что касается последнего, то тут Белов щепетил, и книг его выпущено, к сожалению, мало.

Его первая книга «Сельские повести», выпущенная в центральном издательстве в 1971 году сотысячным тиражом, разошлась, как и последующие, мгновенно. Сейчас уже ясно, что Василий Белов не «деревенщик», его перу подвластны и городские темы («Воспитание по доктору Споку»), и международные коллизии («Око дельфина»), и другие.

Мир человеческих отношений сегодня подвергается многим испытаниям. Тут и скорости века, и новые потребности, разрыв традиционных связей и преобладание рационального подхода, ложно понимаемое служение принципу и беспринципность. Все это грозит разрушением хрупкому состоянию взаимной привязанности и любви. Именно с этой площадки, отвоєванной человеком у животного мира, и теснят прораба Зорина («Воспитание по доктору Споку» и др.) неустроенность, озлобленность, необязательность, хамство, алкоголизм, подлость и обман. Да мало ли еще всего того, что способно выводить нас за пределы человеческого и что при всех контурах обычного поведения обрисовывает только человекоподобие личности, а не истинную высокую суть ее. Против душевной глухоты и ложной принципиальности, забвения святого родительского долга и интеллигентизированной пошлости восстает здоровая натура Зорина, но и он прощает себе те отступления в поведении, которые могут привести да и приводят к опустошению личности многих людей, не умеющих разглядеть зло и сопротивляться ему. Глубокий нравственный урок выносит читатель, прочитав эти городские истории («Воспитание по доктору Споку», «Свидание по утрам», «Чок-получок»).

В жизни надо обладать серьезным потенциалом любви, веры и надежды, и этот заряд станет долговременным и жизнеутверждающим, если люди будут не только наблюдать за обстоятельствами жизни, а будут стараться подчинить их своей воле, своей человеческой сути. Зорину иногда это удается, и будем надеяться, что именно на этом нелегком пути он сумеет найти многих сторонников, отвергающих ложные системы взглядов и поведения.

Нелегка жизнь у героев Белова, порой кажется, что на последний излом пробуют их обстоятельства. Не до смех тут, даже улыбка вроде бы противопоказана. Но нет, бурлит остролюбие, крепка деревенская шутка, не раз попадает в конфузное положение подававший на «розыгрыш» горожанин. Известны всем «Бухтины» Белова, не под силу они еще нашим конференсье, которые ищут предмет для своих шуток только в парикмахерских и зоопарках, салонах эстрадных артистов и у постов ГАИ. «Бухтины» завиральные в шести томах — истинный кладезь народного юмора, но ведь рядом с нами и невероятные истории Ивана Африкановича, и всеиспепеляющая донкихотская схватка Олеси Смолина с Авениром Козонковым из «Плотничьих рассказов», заканчивающаяся перед оторопелым автором мирным чаем. Да, не боится писатель и его герои выглядеть нелепо, даже смешно. Права критик И. Стрелкова, когда писала в статье «Со смешным многое понимается»: «Не побоятся рассказать о себе с невыгодными подробностями, выставить себя в невыгодном свете — черта русского характера, причем далеко не простая (возьмите хотя бы сказочного Ивана-дурака), однако многие со стороны и сейчас ошибаются именно на ней».

Действительно самобытны и яркие характеры героев В. И. Белова немыслимы без лукавого вприщур взгляда на жизнь, без ядреного завирального слова, без доброго юмора, которые помогают им бороться с равнодушием, безразличием и бездуховностью. И еще об одной теме, кото-

рую по праву иногда соотносят с вологодскими писателями. Малая родина. Не так уж давно на страницах литературных изданий провозглашалась несостоятельность этой идеи, а ее носители — близорукими безмаштабниками. Но литературная практика, да и сама жизнь, отстояла это право воспеть свою малую родину, чтобы через нее еще глубже постичь великий размах нашего Отечества, бесценность великой нашей Родины.

Все чаще и чаще возвращаются герои Василия Белова к истокам, прилетают на самолетах, едут на машинах, идут пешком к тем тихим лесам, малым речкам, небольшим деревушкам, скрытым за поворотом большой дороги. Раньше они за постоянной суетой забот и дел и не думали об этом, а просто ощущали «ровно и постоянно», что где-то есть их «Каравайка». Душу писателя не могли не тревожить боли родной земли. Он вместе с другими своими честными собратьями по перу, партийными работниками и специалистами не переставал обращаться к теме возрождения центрально-русского села. И позднее, когда вышло постановление Центрального Комитета нашей партии по Нечерноземью, как оказалось, были правы те, кто не лился слез и потоку благополучных сообщений о состоянии дел в этих многострадальных районах страны. И в этой борьбе за преобразование Нечерноземья тоже есть тяга к истокам, которой сильны наши люди. И хотя мы покидаем родные места, все-таки мы снова и снова возвращаемся к ним, как бы ни грешили знакомством с другими краями. Потому что жить без этой малой Родины невозможно. Ведь че-

ловек счастлив, пока у него есть Родина...». По эту Родину надо обустроить, работать на ней, семь крепить, а далеко не везде на селе все в порядке. Отсюда его острота, непримиримость к недостаткам, к тем, кто хотел бы походить их разрешить, забывая об уроках истории. В одной из бесед Василий Иванович сказал:

«Вне памяти, вне традиций истории и культуры, на мой взгляд, — нет личности. Память формирует духовную крепость человека. Только и память разная бывает. Иной всемирную историю вызубрил, а про славу своей деревни не слышал — не интересовался. Это, пожалуй, сегодня один из самых распространенных видов невежества». Вспоминаю, как мы ходили по Вологодскому краеведческому музею и как заинтересованно, с полным знанием рассказывал Василий Иванович об одежде и быте жителей, о древних обычаях и культурных традициях края, о ремеслах и умельцах.

Несколько лет назад в издательстве «Молодая гвардия» мы с Василием Ивановичем Беловым просматривали красный альбом «Поэзия народного костюма», подготовленный энтузиастом-искусствоведом Марией Николаевной Мерзловой. Автор со своими коллегами побывала в архангельских, костромских, липецких, рязанских, воронежских селах, краеведческих музеях, извлекая из заветных сундуков и с выставочных стендов то, что еще недавно (а в некоторых местах и ныне) составляло народную, повсеместно распространенную моду. Богатство народной эстетики, раскрывшей языком цвета, формы и орнамента многие сокровенные тайны и законы красоты народа, еще раз поразило нас в то время. Тогда в «Молодой гвардии» утвердилось вызревшая, по-видимому, давно, идея создания книги о северной народной эстетике. Каждый, кто прочитал ее (в «Нашем современнике» № 10, 12 за 1979 год), обратил внимание, наверное, и на название очерков: «Лад».

«Все, что было лишним, или громоздким, или не подходящим здравому смыслу, национальному характеру, климатическим условиям, все это отсеивалось временем». Авторская идея о стремлении народа к совершенству и целесообразной простоте и красоте в жизненном укладе, как никогда, своевременна и плодотворна. Ведь «включивание» в наш быт чужеродных неестественных предметов, ритмов и традиций только затрудняет жизнь, а не облегчает ее. А попытка узкой группы завладеть эстетикой быта, вывести ее из разряда всенародного творчества, опустошительна и приводит к деградации красоты. Глубоко интересно наблюдение автора «Лада»: «Все было взаимосвязано и ничто не могло жить отдельно или друг без друга, всему предназначалось свое место и время. Ничто не могло существовать вне целого или появиться вне очереди. При этом единство и цельность вовсе не противоречили красоте и многообразию. Красоту нельзя было отделить от пользы, пользу от красоты. Мастер назывался художником, художник мастером. Иными словами, красота находилась в растворенном, а не в кристаллическом, как теперь, состоянии».

Конечно, мы должны четко осознавать всю социальную и временную ограниченность многих традиций, но должны помнить и ленинские слова: «Не голое отрицание, не зрящее отрицание, не скептическое отрицание, колебание, сомнение характерно и существенно в диалектике... а отрицание как момент связи, как момент развития, с удержанием положительного...». То есть мы должны и обязаны брать из культуры прошлого, из традиций народа тот «момент развития», то положительное, что дает новый толчок быту, искусству, творчеству.

Могло показаться странным, зачем Белову, писателю высочайшего нравственного потенциала, понадобилось углубляться в отвлеченный мир искусства и воспоминаний. Но он сам и отвечает на этот давно им уже продуманный вопрос. «Чем Белов занимается? ...Рождение в деревнях ниже нельзя, дороги разбиты, хозяйского глаза не хватает — а он сидит себе и пишет о народной эстетике. Потому и пишу, что надо разбираться, как испокон крестьянская «вселенная» была устроена, и, разобравшись, приступить к делу. Да не за одно что-то брать — одну ногу поднимешь, другая увянет, ведь в крестьянской жизни все взаимосвязано — а тянуть все разом».

Так неожиданный поворот в творчестве писателя уже не выглядит странной прихотью, а тем витком, выводящим его мысль и образ на новую вершину, откуда открываются еще более далекие писательские горизонты, проникнуть за которые, я надеюсь, нам удастся с помощью Василия Белова.

Валерий ГАНИЧЕВ.